
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Русский поэт Игорь Лукьянов. Автор тринадцати сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской литературной премии имени «Левша» им. Н. С. Лескова, постоянный автор «Приокских зорь».

* * *

*В этот город торговли
Небеса не сойдут.*

Александр Блок

В черте буржуазного шика —
И звуков его, и огней
Порою до боли безлика
Россия сегодняшних дней.
Все схвачено цепкостью быта,
Где идол для многих — комфорт.
И будто бы все поизбыто,
Чем русское сердце живет...

* * *

Не кривите физиономий,
Что чужой, как апрель январю,
Что не кланяюсь в пояс мамоне
И любовью к бабле не горю.
И плевать на наследников ярых
В мире всех торгашей и менял
Тех, которых Спаситель из храма
В гневе Божьем кнутом выгонял.

* * *

*Жаль мне себя немного
Жалко бездомных собак*

Сергей Есенин

Мне жаль и себя, и собак.
Мне жаль, что исчезла эпоха
И с нею — «прямая дорога»
В рабоче-крестьянский кабак.
Там грели сердца за гроши.
Но нынче — иные буфеты,
Где нет и в помине души
Есенинской болью пропетой —
Где нет и в помине любви
К ненастному отчему краю.
И бесится песня чужая
Чужой похотливой крови.

* * *

Союз хулите
 не на шутку.
Но кем он был —
 вам не достичь.
— Чего ж вы врете,
 проститутки! —
Кричит
 сквозь мавзолей
 Ильич...

* * *

Не зная сердечных угрызений,
Легко меняют эти люди
Суровый пафос обличений
На подлый пафос лизоблюдства.
Не стоит их клеймить презреньем.
От дней Господнего творенья —
У них такое назначенье,
У них такое назначенье...

* * *

Среди молчунов и крикливых
Под свист паровозный хрипой
Мы пили советское пиво
В дыму привокзальной пивной.
Бутылки в наклейках смазливых
Смели ту пивную мою.
Печально... Но я не о пиве.
Его я не очень люблю.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

О, светлая Оптиная пустынь
В лесном заповедном краю.
Грехи и душевную усталь
Я храмам твоим предаю.
И всею душой богомольца
Уверен в бессилии зла,
Коль есть надо мною под солнцем
Святые твои купола...

ПЛЕСЕЦК

Сосна, как шпиль на круче,
На круче ледяной.
И северные тучи —
Над северной тайгой.
Не из варягов в греки,
Бурливы и ясны,
Прут северные реки,
Вальцуя валуны.
И по соседству где-то
Верша огонь и гром,
Выносит ввысь ракеты
Известный космодром.

* * *

Я твердо взял
из дней армейских дальних,
Что нет у нас
реальности другой —
Забиться
в благодати тихой спальни,
Проснуться
под сирены
грозный вой.
Банально мыслим
и живем банально
В ладу с собой
и часто — не в ладу.
Одна на всех —
железная реальность
Всему на свете
подведет черту...

* * *

В концертном зале
верткая попса
Поет на все, стараясь голоса.

И вторит ей
 рукоплесканья гром.
А мне б,
 как встарь
 за дружеским столом
Полднего
 пустого кабака
Всем существом
 Ивана-дурака
Послушать,
 как шарманкой
 о былом
Грустит метель
 за мартовским окном.

* * *

Главное, чтобы с мели —
Стронулось, понеслось.
Или к какой-то цели,
Или же так — на авось.
Главное, чтобы случилось
То — где и кровь, и пот.
И впереди счастливый
Или летальный исход...

* * *

Всерьез иль между делом —
Я знать бы не хотел —
Где, за каким пределом
Последний мой предел...
За этим поворотом
Иль вон за той верстой
Навек затихнет кто-то,
Что был когда-то мной...

* * *

Красный шар
За серебряный лес уходил.
Над заснеженным лугом —
Суровое небо.
Словно был и не был,
Словно жил и не жил...
И любил эту явь,
Но не больше,
 чем небыль...

* * *

Застынь
во мне

тяжелое молчанье,
Собою
суетливость
придави
глухого озлобления
и отчаянья,
когда вокруг —
ни веры,
ни любви.
Когда вокруг —
блистает
глум прокудливый.
Цветами зла
расцвечены пути.
Спаси меня,
угрюмость
неподкупная,
чтоб я
по-русски мог
свой крест нести...

* * *

Памяти матери

Средь забот и говорильни
Снилось счастье — день за днем.
Отоснилось...
Холм могильный.
Крест...
Закатный блеск на нем.
И мужик,
Идя сторонкой,
Под вороний грай окрест,
Душу тронув самогонкой,
Скажет вдруг —
Красивый крест...

* * *

Я в глазах у зверья
находил человечность —
пониманье,
уступчивость,
преданность дому.
Их люблю за наивность.
Их люблю за беспечность.
Неспособность полнейшую
к замыслу злему...
Потому в непогоду
или после попойки
рад я видеть

в угрюмые эти часы,
как, сощурив глаза,
где-нибудь на помойке
блудный кот благодушно
смеется в усы...

* * *

Когда резвилась русская стихия,
Мой «жигуленок» враз грузовиком
Он вытащил
и запросто,
кивком
Простился,
как и принято в России,
Где никогда
в словес излишний жар
Не оформляют то,
что здесь исконно.
Ведь дар добра,
он, как и всякий дар,
От Бога,
а не от мудрости законов...

МЕДЫНЬ

Маневры. Станция Медынь.
С платформы в поле
Полным ходом
Шла техника.
Дымилась стынь.
И служба не казалась медом.
Среди калужских деревень
Ревели бронетранспортеры.
Держалась воля, как кремь
В морозом спаенных просторах.
Сверкала даль.
Синела синь.
И были валенки — по пуду.
Зима. Учения. Медынь.
Твои снега я не забуду

* * *

Геннадию Луткову

Все на потом в душе моей
Ей ничего сейчас не надо.
Среди тяжелых этажей
Благоуханье снегопада.
И я, подняв на небо взор,
Внимаю светлому явлению,

* * *

Зимой на березу слетались щеглы.
На ветки, седые от инея.
За ней огороды пусты и белы...
И небо холодное синее.
Все было отрадно для детской души,
Что виделось ей за избушкою.
И, может, поэтому в зимней глуши
Легко я заучивал Пушкина.

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ

III. ДЕЖАВИЮ*

1. Сказание о геростратах

Новочеркасск

...От нужды — не из охальства
Шел толпой к начальству люд:
«Ты разуй глаза, начальство,
Как рабочие живут:

Втрое снижены расценки,
Цены — ввысь. Как дальше жить?
Нас уже приперли к стенке:
Хлеба, мяса не купить!..»

Но приспешник свинопаса
Нагло бросил: «Вашу мать!
Не графья! А нету мяса —
Будь любезен ливер жрать!»

Кто-то крикнул: «А по роже?!
Ах, вы ж, красные князья!
С нами этак-то негоже!
Так с рабочими нельзя!

Мы тебе напомним, парень,
Кто здесь главный гегемон!..»
Брошен метко первый камень.
Град камней возглавил он...

Ох, не вовремя глумливый
Принаглел, не в добрый час, —
Гнев великий, справедливый
Охватил рабочий класс,

* Продолжение. Начало в № 1, 2016 «ПЗ».

Своего дождавшись часа.
Пассажирский поезд, стой
И плакат «Хруща на мясо!»
В дальний путь возьми с собой!*

Пусть повсюду все узнают,
Кто о том не знал еще,
Что над нами вытворяет
Этот вражий сын Хрущев!

Нам ли, Разина потомкам,
Новых бар ярмо сносить!..
Был протест казацким, громким,
И другим не мог он быть.

Накалялась обстановка.
Кровь казачья горяча.
Полохнула забастовка,
И с портретом Ильича

Горожане шли к горкому.
А законченный урод
Из Кремля велел главкому
Танки двинуть на Народ.

«Как же это так? Свои же...—
Измился генерал ** :
— Впереди врага не вижу...»
И давить людей не стал.

Но над ним, как коршун, *Плиев* *** :
«Исполнять,— кричит,— приказ!...»
За дела его лихие
Прокляни его, Кавказ...

* 1 июня 1962 года 10:00 около 200 рабочих Новочеркасского сталелитейного цеха прекратили работу и потребовали повышения расценок за их труд. В 11 часов они направились к заводоуправлению, по пути к ним присоединились рабочие других цехов, в результате около заводоуправления собралось до 1000 человек. Люди требовали от начальства ответа на вопрос «На что нам жить дальше?». Вскоре появился директор завода Б. Н. Курочкин. Заметив недалеко торговку пирожками, он оборвал одного из выступающих и заявил: «Вместо пирожков с мясом, будете жрать с ливером!» Эта фраза вызвала негодование рабочих, директора начали освистывать и выкрикивать в его адрес оскорбления. Курочкин скрылся, однако именно его фраза послужила поводом для последующих событий. Вскоре забастовка охватила весь завод. Возле заводоуправления людей становилось все больше: услышав тревожный гудок, приходили люди из близлежащих районов и других предприятий. К полудню количество бастующих достигло 5000 человек, они перекрыли железнодорожную магистраль, связывающую Юг России с РСФСР. На остановленном локомотиве кто-то написал: «Хрущева на мясо!» (См. https://ru.wikipedia.org/wiki/Новочеркасский_расстрел.)

** Генерал Шапошников Матвей Кузьмич, командир танковой части СКВО, вызванной в Новочеркасск для подавления выступления рабочих. Получив приказ командующего операцией ген. И. А. Плиева двинуть на народ танки, ответил: «Не вижу перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать нашими танками».

*** **Исса́ Александрович Пли́ев** (осет. Плиты Исса; 12 (25) ноября 1903 — 6 февраля 1979) — советский военачальник, генерал армии (1962). Командующий Северо-Кавказским военным округом в 1958—1968 гг. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). 2 июня 1962 года войска возглавляемого Плиевым округа приняли участие в подавлении выступления новочеркасских рабочих.

Так, герой войны когда-то,
Плиев дал команду «пли!».
Застрочили автоматы,
И десятки полегли...

То не яблоки, не груши
Вниз посыпались с ветвей,—
То тела детей, а души
Превратились в голубей.

Перепуганная стайка
Устремилась в небосвод:
«Милый боженька, узнай-ка
Что Хрущев стрелял в Народ!..»

«...Что он дал приказ сегодня
Убивать людей войскам!..»
«...Что безжалостно он отнял
Нас у наших пап и мам!..»

«...По вине Хрущева рано
Суждено нам умереть...»
«...Мы росли на радость мамам,—
Нам не дали повзрослеть...»

«...Покарай убийцу! Что же,
Пусть сполна ответит тать!..
Почему ж ты медлишь, боже?..»
Видно, некому карать...

Но зато была расправа
Над несчастными людьми,
Что Хрущеву так по нраву —
Просто медом не корми!

Там, где «удаль» показали
*Фрол Козлов** и Микоян,
Развернулся сей хозяин,
Безнаказанностью пьян.

Не имел к Народу жалость
Злой и мстительный пострел:
Сотня в тюрьмах оказалась,
Семь попали под расстрел.

Стал *кровавым воскресеньем*
Тот субботний день тогда.

* **Фрол Ромáнович Козлóв** (5 (18) августа 1908 года, дер. Лоцинино Касимовского уезда Рязанской губернии — 30 января 1965 года, Москва) — советский партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС в 1952—1965 годах.

Но народоизбиенье
Утаили на года.

По-хрущевски — шито-крыто.
Расстарался КГБ...
Но недолго же, Никита,
На вершине быть тебе!..

* * *

Все до времени сходило
С рук отпетому хамлу —
Небрежение к кормилу
И ботинком по столу...

Дальше грянули *Карибы**.
На зловещей их волне
Перейти черту могли бы,
Быть бы ядерной войне.

Но как только пережили
Страх животный в пору ту,
Меж собой вверху решили:
Хватит, ну его к шуту!

Заигрался, мол, бедняга,
Надо ж делать что-нибудь...
И на пенсию во благо
Предпочли шального пнуть**.

Пожурили — между прочим,
Но остался невредим
И за то, что наворочал,
Не подсуден, не судим.

Пожалели? Если честно,
Там была иная суть:
Ворон ворону, известно,
Глаз не выклюет! Ничуть!

(Продолжение следует)

* В 1962 году произошел **Карибский кризис**. Весь мир стоял на краю пропасти. «Холодная война», тянувшаяся между СССР и США уже почти двадцать лет, могла перерасти в ядерный конфликт.

** 14 октября 1964 года Пленум ЦК КПСС, организованный в отсутствие Н. С. Хрущева, находившегося на отдыхе, освободил его от должности первого секретаря ЦК «по состоянию здоровья»

Стивен Ули
(г. Кельн, Германия)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стивен Ули (Steven Uhly) — поэт, писатель, переводчик немецко-бенгальского происхождения. Родился в Кельне в 1964 году. После окончания школы учился на переводчика в Валенсии, затем изучал немецкую, испанскую и португальскую филологию в Кельне, Боне и Лиссабоне. Два года возглавлял Немецкий федеральный университет в г. Белен (Бразилия). Занимался преподавательской деятельностью в университете Порту-Алегри и Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана. На данный момент живет с семьей в Мюнхене. Переводит поэзию и прозу с испанского, португальского и английского. Роман Стивена Ули “Adams Fuge” был удостоен премии «Туркан», а роман “Glückskind” стал немецким бестселлером и был экранизирован Михаэлем Верхевеном в 2014 году.

ЛЮБЯЩИЕ

Давай с тобой рассоримся,
пока все воздвигнутое не обрушится.
Все полные счастья улицы,
все залы ожидания, все дома свиданий,
каждое отдельное помещение.

И когда мы с тобой разобщенно
будем пробиваться сквозь вязкий
свет нашей любви,
то быть может тогда мы осознаем,
насколько велика и сокрушительна она,
насколько она безысходна.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Смерть торгует усталостью
и после продажи дает о себе знать.
Я себя ни в чем не виню,
у товара хорошая цена.
Скажу больше: он станет еще дешевле
со временем.
Нужно лишь научиться ждать.

МОЛИТВА В КОМЕ

Днями напролет дни, тихие, громкие
дни полные вечеров полных смеха,
дни полные молчания в переполненных автобусах.

По-прежнему холодно, весна отдалена на один градус,
город сжат до одного квартала,
плечи высокоприподняты,
улицы сужены
до тупиков.

СЕМЬЯ

Мы вывели друг друга гулять
на окрестное поле.

Пять человек,
каждый на привязи у другого.

Ни один из нас не был свободен,
ни один из нас никуда не исчез.

Чудесный день.

НОЯБРЬ

У ноября
плешь в ветвях,
одежда сброшена на землю,
дыхание болезненно.
Мы желаем всем животным счастья
и покупаем подарки
на Короткий День.

ЛЮБОВЬ

Любовь нельзя назвать домом,
скорее это открытое море.

Долгое время держал я себя взаперти
чтоб ненароком не перевернуться на лодке.

Я потерял множество лет
пока не научился мыслить по новому.

Теперь я живу вплавь
и в лодку садиться больше не желаю.

ПОЛУРАСПАД

Смерть
поравнялась с бортом
уже довольно давно.

Порой мне кажется,
что она понемногу
приближается.
Порой я боюсь, что она
внезапно выхватит меня
прямо с палубы.

Но она держит свой курс.

И я все пытаюсь выяснить у
секстанта своих предчувствий:
когда же мы с ней пересечемся?

Перевод с немецкого Ала Пантелеята

Ал Пантелеят (г. Харьков, Украина) — поэт, переводчик. Основатель творческого объединения «Письма на бетонных стенах» и организатор благотворительного фестиваля на стыке искусств “Silence a Noise”. Родился в 1989 г. в Харькове, где и получил диплом переводчика с немецкого и английского языков. Проходил стажировку в Граце (Австрия).

Стихи и переводы публиковались в таких периодических изданиях как «ДетиРа», «Крещатик», «Новый берег», «Новая юность», «Окно», а также сетевых литературных ресурсах «Сетевая словесность», “Litcentr”, “Pegasov”, «Верлибры и другое», «ЛитРАЖ». Один из авторов поэтических сборников «Разноточие» и «Вулична поезія».

Лауреат журнала Окно (2015). Участник Летней академии в Литературном Берлинском колоквиуме.

Вика Щербакова
(г. Санкт-Петербург)

8 лет

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Их было четыре штучки.
С первой по третью — люди.
А четвертая — верблюдик.
Верблюдик уплыл в небо,
Человек растаял бесследно,
Лишь двое в небе остались —
И долго там обнимались.

Потом с них дождик закапал,
Как будто бы он заплакал...
Ведь нельзя обниматься вечно
В небе двум человечкам.
Капли попали в речку,
И эти два человечка
Снова встретились вместе,
Просто в другом месте.

ЛЮБИМЫЙ МИШКА

Жил на свете мишка — новенький совсем,
Полубился мишка в нашем доме всем.
Милым был тот мишка. Милый, черный нос,
Милая ромашка, что он в лапах нес.

Но проходят годы — мишка стал стареть.
Нос уже ободран, жалким стал медведь.
Но не позабуду мишкиных хлопот.
Пусть на свете мишка много лет живет!

Я залезу в мамину швейную коробку.
Там возьму наперстки, нитки и иголку.
Мама, не ругайся, что взяла без спроса.
Мишке очень трудно нюхать мед без носа!

На бока потертые я из лоскуточков
Сделаю красивые, яркие цветочки.
Вместо носа пуговку черную пришью.
Мишка снова новенький! Я его люблю!

РУССКИЕ СКАЗКИ

Прочитала сказки я,
И узнала для себя,
Что в лесу полно чудес!
Прямо сцена, а не лес!
Белки песенки поют,
Гуси по небу снуют.
Хитрая лиса живет —
Всех обманывает, врет!

В самой чаще дом стоит.
У него труба дымит.
В доме бабушка Яга.
Костянущая нога!
Ждет она к себе гостей,
Но никто не ходит к ней.
Бабка Ежка варит суп,
О полено точит зуб.

Но не чтобы есть детей.
Просто, в чаще — скучно ей!

МЯГКИЙ ЕЖ

Никто не дружит с ежиком в лесу.
Все любят зайчиков, пушистую лису.
Никто не хочет ежика обнять,
И ласково к себе его прижать.
Всем страшно, что его иголки
Колючие, как веточки у елки.

В свой день рожденья он один сидел,
И песенку хорошую запел.
На звуки вылез на полянку крот.
И ткнулся ежику в живот.

«Ты кто такой? Красиво ты поешь»
Ему ответил ежик: «Просто Еж!»
И крот сказал ежу: «Ты милый,
пушистый, мягкий и красивый».
Тут стало ежику приятно,
А крот ушел к себе обратно.
Не бойтесь уколотся об ежа.
Колючий он на вид, но мягкая душа.

Ольга Артемова
(п. Медвенка Курской области)

Ольга Викторовна Артемова родилась в селе Долгое Золотухинского района Курской области. Закончила Курский государственный педагогический институт. Заведует музеем имени Д. Я. Самоквасова в Медвенском районе Курской области. Член Союза писателей РФ. Стихотворения О. Артемовой публиковались в журналах «Подъем», «Молодая гвардия», «Начальная школа», «Русский писатель», газетах «Российский писатель», «Петербургская газета», «Труд» («Труд-Черноземье»), в региональном еженедельнике «Юго-Восточный экспресс», в др. Является победителем Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (организатор — «Учительская газета»). В соавторстве с сестрой Натальей с циклом очерков «Герои, которых мы знали» вошла в короткий список участников конкурса, посвященного 70-летию Великой Победы, сетевого литературного журнала «Камертон». Трижды Ольга становилась лауреатом областного конкурса имени К. Д. Воробьева на лучшее журналистское произведение на военно-патриотическую тему. Победитель областного конкурса «Малый бизнес Курской области — глазами прессы». В 2009 году в Курском отделении Союза писателей РФ вышла книжка ее стихотворений «Быть собою». В 2010 году — общими с сестрой сборник стихотворений «Родники». С 2004 по 2008 год в издательстве «ЭКСМО» у Ольги и ее сестры Натальи вышло 12 совместных книг под общим псевдонимом.

* * *

Нас воспитывала честность мамы,
Простота и светлый ум отца,
Игры допоздна у «нашей ямы»,
Тускари вздыманье до моста.

Милый сад — подарок деда Гриши.
Дед погиб на фронте в тридцать лет,
Но стучит по деревенской крыше
Яблоком тугим его привет.

Нас растили строго и ревниво
Старых книжек стройные ряды,
Гул комбайнов на колхозной ниве,
Школьные заполненные дни.

Снежные, искрящиеся зимы,
Церковь — до креста не долететь! —
Льющийся над детским нашим миром
Из ее разбитых окон свет.

* * *

Из памяти так много стерто лет.
Они ушли. Кто в рубище, кто в глянце.
И время их зацеловало след.
А этот день, простой, со мной остался...

Звенит заботой трудною коса.
Из сада льется вечера прохлада.
И как-то очень близко небеса,
И в жизни больше ничего не надо.

Как только слышать голоса родных:
Отца и матери, сестры и брата —
И светом наполняться, как родник,
И ничего не ведать об утратах.

* * *

Добро пожаловать в мою печаль!
Располагайтесь в ней совсем как дома.
Наверно, вам уже немного жаль,
Что столько лет мы не были знакомы?

Вон там в углу спит утренний туман.
А вот звезда навек сложила крылья.
Здесь побывал пустых надежд обман
И умерли напрасные усилья.

В гостиной вместо дорогих ковров
Шуршат тихонько золотые листья.
А в душе из серебряных оков
На вас захочет майский дождь пролиться.

Стучится в двери позабытый день.
Грачи влетают в окна и жар-птицы.
И почему-то пахнут, как сирень,
Прочитанные в юности страницы.

Здесь поутру я выбегаю в снег —
Такой, как в детстве, без распада меты.
И долгим эхом сад тревожит смех
Людей, которых в мире больше нету.

Здесь громок стук растроченных минут.
Тут снам одним и тем же повторяться:
На цыпочки опять я привстаю —
И не могу никак достать до счастья...

* * *

Будешь моей неизбывной радостью.
Будешь печалью моей затаившейся.
Звуком шагов в обеззвученной старости.
Песней, не складно, но все же сложившейся.

Будешь ручьем и первой проталиной,
Желтым листом над рощею нищею.
Горном, в котором судьба переплавлена.
Чистой водой и простой самой пищею.

Лето упорно зима погребает.
Тихие сны видят мудрые люди.
Только ребенок где-то гадает:
Любит — не любит. Будешь? Не будет...

* * *

И лишь Господь нас примет всех:
Ненужных, жалких, осужденных,
Богатством, славой обреченных,
Приживших боль и тяжкий грех.

Нас, среди которых нет святых
И даже добрых слишком мало,
Он встретит, может, чуть устало,
И все-таки не как чужих.

* * *

Цветет в оврагах мать-и-мачеха,
Хотя Москва сулит морозы.
Цветет! Лишь чуточку взлохмачена,
Ведь у земли свои прогнозы.

На грязной деревенской улице
Ни смеха детворы, ни гама
И лишь старуха грустно шурится,
Как рвется марта телеграмма.

В Москве погода переменчива.
Там — новый курс, аэродромы,
А маленькая эта женщина
Весь век у поля да у дома.

Где жизнь была то мать, то мачеха,
Где песни пелись у колодца...
Где все татарником захвачено
И скоро песня захлебнется.

* * *

Я не ищю сочувствия у вас,
Но в ожиданье близкого покоя
Покорно принимаю жизни власть,
Как белый снег и небо голубое.

И в этом безнадежном декабре,
Где не мятежный, а мертвящий ветер,
Так благодарна, Господи, тебе,
Что даже я жила на этом свете.

Наталья Артемова
(п. Медвенка Курской области)

Наталья Викторовна Артемова родилась в селе Долгое Золотухинского района Курской области, вблизи одного из красивейших мест Соловьиного края — Коренной пустыни. Закончила Курский государственный педагогический институт. Работает главным специалистом-экспертом отдела ЗАГС Администрации Медвенского района Курской области. Член Союза писателей РФ. Стихотворения Н. Артемовой публиковались в журналах «Подъем», «Молодая гвардия», «Начальная школа», «Русский писатель», газетах «Российский писатель», «Петербургская газета», «Труд» («Труд-Черноземье»), в региональном еженедельнике «Юго-Восточный экспресс», др. Н. Артемова является победителем Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (организатор — «Учительская газета»), лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». В соавторстве с сестрой Ольгой с циклом очерков «Герои, которых мы знали» вошла в короткий список участников конкурса, посвященного 70-летию Великой Победы, сетевого литературного журнала «Камертон». Заняла I место в областном конкурсе авторских сценариев, разножанровых литературных произведений «Наша слава и наша память», посвященном 70-ой годовщине Победы в Курской битве. В 2009 году в Курском отделении Союза писателей РФ вышла книжка стихотворений Натальи Артемовой «Где плачет иволга». В 2010 году — общий с сестрой Ольгой сборник стихотворений «Родники». С 2004 по 2008 год в издательстве «ЭКМО» у Натальи и Ольги Артемовых вышло 12 совместных книг под общим псевдонимом. Сестры работали в жанре психологический детектив.

КАРТИНКА ИЗ ДЕТСТВА

Господи, как же вернуть эти дни!
Медленно-медленно день уплывает,
Снегом январским весь мир укрывает,
Топится печка. Мы в доме одни.

А ожидание льется рекой.
Возле окна мы сидим молчаливо,
Робкое сердце немного пугливо
Сумерек зимних впускает покой.

Пляшут веселые тени от печки.
Воздух за окнами кажется синим.

Как они счастливы вечером зимним,
Господи, эти твои человечки!

СЕСТРЕ

Время пройдет — все забудется,
Так не печалься, не плачь,
Пусть твое сердце не студится
В тяжкие дни неудач.

Выйдем с тобой, где за вишнями
Горбится старый плетень.
Видишь, как золотом вышитый,
Этот сияющий день.

Видишь, уже над крыжовником
Снова хлопочет пчела
Маленьким скромным садовником,
Мир охраняя от зла.

* * *

Научите меня рисовать.
Научите — и я нарисую
Тополей изможденную стать,
Монастырь и дорогу сырую.

И себя в полинявшем платке —
Русской бабой на этой картине
И закат... И, как угли, в руке
Опаленные гроздья калины.

* * *

Что ты хочешь? Друг друга кляня,
Мы ножами уже не по пьянке.
Так зачем же мне снится страна,
Где весной по оврагам фиалки?

Где ласкает истерзанный снег
Хлипкий ветер в орешнике сером,
И прозрачный, невидимый смех
По березовым рощам рассеян.

Там, где верно и трепетно ждать,
Глядя вдаль через колкую сечу,
И потом, задыхаясь, бежать
Журавлям, самым первым, навстречу.

Так, чтоб ветер холодный трепал,
Рвал и путал весенние звуки,

Чтоб пуховый платок не спасал
Побелевшие плечи и руки.

И живя лишь мечтой о тебе,
Позабыв все былые раздоры,
С замираньем ловить на себе
Восхищенно-веселые взоры.

Вот и все. Только это лишь сон.
А ведь снилось мне самое русское —
Рыхлый снег и заката огонь,
Медный крест под холщовую блузкою.

* * *

Так велико могущество тепла,
Что, кажется, еще одно усилие —
И ты поверишь, что печаль прошла,
Душа очнется и расправит крылья.

И выйдешь в сад, встревоженный весной,
С последним снегом, потемневшим, грузным,
И рассмеешься громко над собой,
Над всем прошедшим, жалким и ненужным.

Таким ненужным, что настанет миг —
И сердце оторвется от причала
И поплывет, как паруса двойник,
Как лоскуток цветного одеяла.

А на земле останется одно
Больное тело, полное печали,
Слепое тело, где уже давно
Усталости положено начало.

Но, может быть, в заветный час тепла
Оно захочет тоже пробужденья.
Оттаявшая черная земля
Ему надеждой станет и спасеньем.

* * *

Там, на горе, старенький дом,
Окна закатом расцвечены в нем,
Старая елка плывет над землей,
Время прошито зеленой иглой.

Если на сердце невзгоды дождем,
Вспомнится елка, маленький дом.
Зябнет-горит на ресницах слеза,
Плачут и плачут о чем-то глаза.

* * *

Разве мы много просим у Бога:
Чтобы была нам посильной дорога,
Чистому сердцу от неба напиться,
Ясной душе не скудеть, не мутиться.

Чтоб не растаяли в полдень, как тени,
Запахи слов и июньской сирени,
Чтоб и в конце, как сладчайшую новость,
Жизни читать оскудевшую повесть.

Чтобы любимым глазам не ослепнуть,
Чтоб в человека верой окрепнуть,
Чтобы судил Он всех мудро, но строго.
Разве мы много просим у Бога?

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Родилась и живет в городе Тула. Кандидат технических наук, доцент. Работает в Тульском государственном университете на кафедре «Информационная безопасность». Стихотворения пишет с детства. Написано более трехсот стихотворений пейзажной, любовной, философской, гражданской и духовной тематики. Также пишет в жанре крупной поэзии — написана «Поэма о дожде». Увлекается написанием венков сонетов. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания» и нескольких литературных эссе. Автор трех книг: «Моменты истины» (Тула, 2011 г.), «Гармонические колебания» (Тула, 2011 г.), «Закон звезды» (Москва, 2013 г.). Имеет публикации стихотворений в журналах и альманахах Тулы, Твери, Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Победитель различных конкурсов стихотворений. С 11 февраля 2013 года член Московской городской организации Союза писателей России. В 2013 году МГО СПР награждена медалью имени М. Ю. Лермонтова. В 2014 году награждена медалью, выпущенной к 60-летию МГО СПР.

* * *

В царстве мертвых стихов
Тишина,
 тишина.
Ночь ауканья сов
Лишена,
 лишена.

...Пруд стеклянный — окно
В цепенеющий мир...
В царстве мертвых никто
Еще не говорил.

В царстве мертвых стихов
Что ни строчка — тоска.
...Ив за косы не смог
Ветер злой оттащить.—

Нет у ветра ни сил,
Нет у ветра ни слов...
Это кто сотворил
Царство мертвых стихов?

Поднялась выше гор
Кладезь умерших рифм.
Здесь прошел Полный Вздор,
Строфы все умертвив.

Только пепел и прах —
Их сухой суррогат.
Слово ценящий — прав,
Пустослов — виноват.

В царстве мертвых стихов
Темнота,
 темнота.
Новый образ — не нов,
Фраза та, да не та,

От метафор — зола,
Смысл не вызрел — усох.
...А не я ль возвела
Царство мертвых стихов?

* * *

Зимние сумерки.
Детство мне вспомнилось —
Время, когда всех рассудит по совести
Та — неподдельная светлая подлинность,
То, без чего остаемся мы вскорости.

Школа.
Калитка со мною обмолвилась
Словом скрипучим.
Какое привольное
Время, когда далека еще молодость,
Зрелость не близко, а старость — тем более!

Тянет дымком...
На морозе щекотится
Ветер, играя цветными помпонами.
Ель повзрослевшая — вечная школьница —
Просится в класс через стекла оконные.

Близятся праздники.
Скоро каникулы —
Ими на четверти жизнь разграничится.
Ель дожидается, чтобы окликнули
И похвалили,
 как хвалят отличницу.

Санки срываются с горки.
Накатаны

Горка и жизнь.
Превращаются взрослостью
Игры — в дела,
А слова непонятные
В то, что с годами осмыслится полностью.

Сад постарел,
Преисполнился мудрости...
Шаг — я за тою — святой — территорией
Школьного сада,
и детства,
и юности,
Ставших давнишней
волшебной историей.

* * *

Слушать песни скрипучих телег
Выхожу к переспелым колосьям.
Попросилась ко мне на ночлег
Перехожая странница — осень,—

Попросилась ко мне на порог,—
Закручинилась сразу крушина,
Как меня жить под чертополох
Осень выгнать из дома решила.

Ах, беда ты моя — не беда!
Ах, ты горе мое — не горе!
...Продырявит собою арба
Небо сочное и голубое.

Собирать по оврагам пойду
Черной ночи березовый деготь.
Только хочется в небе арбу,
Дотянувшись, рукою потрогать,

Только тянется в гору обоз,
Только в след мне ругается осень,
И поют крестовины колес,
И шумят межколесные оси.

Мне себя согревать —
горевать
Под тележные песни и крики.
...И грустят, опустев, погреба
В ароматах сухой костяники.

* * *

Ночь. Англтер...
...Выбрана самая

Злая из мер —
Самоизгнание, —
Кто-то внутри
В яростном приступе
«Сдайся — умри», —
Шепчет неистово.

Ночь. Коридор
Тонок, как лезвие...
Прыгнув во двор,
Кошкой облезлою
Жметя луна
К холлу гостиницы, —
Кискнешь, она
Сразу откликнется.

Ночь. Сочинил
«Друг, до свидания».
Голос в ночи
Воспоминанием —
Речка, межа,
Детство, Рязанщина...
...Мысли спешат
В сторону кладбища...

Ночь. Видит сон
Старая ключница, —
Стая ворон
Черных ей чудится,
Косами взрыт
Луг — ей мерещится,
Плачет навзрыд
Где-то помещица.

Ночь. Пересуд
Между консьержками:
Двое идут
В номер — не мешкают;
Первый стучит,
Дверь отворяется, —
Будто, свечи
Дрогнуло пламяце.

Ночь. У луны
«Мяу» — не липово.
Освещены
Раны убитого.
Прочит расстрел
Эта история.
...Ночь — Англетер,
Утро — Астория.

Нина Гаврикова

(г. Сокол, Вологодская область)

Нина Павловна Гаврикова родилась и живет в городе Сокол Вологодской области. Работала художником-оформителем на предприятии, после перестройки кладовщиком. Сейчас на пенсии по инвалидности. Входит в состав ЛиТО «Сокол» и МСТС «Озарение». За заслуги перед организацией МСТС «Озарение» награждена грамотой и медалью. Руководитель детского литературного клуба «Озаренок» в Соколе. Победитель областного конкурса «Золотая Юнона» (Женщина года 2015) в номинации «Сердце отдано детям». Пишет стихи и прозу.

ЗИМА СЕДАЯ С ВОЗРАСТОМ СОЗВУЧНА

(Триолет)

Старею, милый, знать пришла пора.
Зима седая с возрастом созвучна.
Не радует желанное вчера.
Старею, милый, знать пришла пора.
В ячейках памяти лишь искры от костра,
Закаты дней сложу в сундук поштучно.
Старею, милый, знать пришла пора.
Зима седая с возрастом созвучна.

СЧАСТЬЕ

Одна по улице бредешь,
А на душе опять тоскливо.
С утра то снег, то снова дождь
И кто-то плачет сиротливо.
Сидит котенок на крыльце,
Бездомный и голодный кроха.
Где счастье? В этом вот жильце!
Поверь, что все не так и плохо.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осенний морозящий нудный дождь
Меланхолично капает на стекла.
Теплом и светом привлекают окна.

А куртка тонкая насквозь промокла,
Пронзает тело внутренняя дрожь.

В зеркальных лужах отраженье ног
Прохожих редких, спутников случайных.
Крик журавлей пронзительно — прощальный.
Берез продрогших диалог печальный,
Что в этом мире каждый одинок...

Наступит скоро зимняя пора,
Рассыпавшись, как сахарная пудра,
Прикроет землю, это ей не трудно.
Природа поступает очень мудро,
Капель с небес закончит до утра.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Красивые слова приходят с болью,
Как жизнь однообразна и сера.
Но мир преображается с любовью,
Врываясь в душу с дождиком, с утра
Твержу слова, как мантры заклинаний:
— Не жить мне без тебя! — в который раз
Прокручиваю вихрь воспоминаний.
Хочу использовать последний шанс.
Ведь время для любви не безгранично.
Оно торопится, считая день за днем.
Зачем была холодной и циничной?
Давай рискнем, сначала все начнем?

ЛЮБОВЬ

Любовь, как паутиночка тонка,
Как луч надежды, мнимо иллюзорна.
Она легка, как в небе облака,
Блуждает, одинока, беспризорна.
Одно мгновенье — оборвется нить,
Как сон, вдруг растворится эфемерный,
Конечно, сложно чувства сохранить,
Великая любовь — восторг безмерный!
Но без любви на свете не прожить,
Жизнь без нее становится фантомной.
Придется научиться дорожить
Волнением души и грустью томной!

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

«Сикстинская мадонна». На холсте
Алтарный образ кисти Рафаэля.
Величие и святость в простоте,

Стоит Мария — ей не до веселья.
(Босые ноги топчут облака).
Потуплен взор, как будто виновата,
Несет младенца нежно на руках,
Внезапною тревогою объята.
Предвиденье трагической судьбы,
Прикрыла сына скромно покрывалом.
Застыли губы, от немой мольбы
Ее лицо еще красивей стало.
Какие же печальные глаза?!
Склонюсь перед Царицею Небесной,
Мне хочется Марии рассказать...
Просить о чем-то может неуместно.
Но я прошу о доле сыновей,
Природный жребий выпал им невзрачный.
Прошу, как просят сотни матерей,
Пусть жизни путь окажется удачным.
Прошу, спаси от зол, врагов и бед,
От ран телесных и от ран душевных.
Даруй им благодать на много лет
И здоровья в заботах повседневных.
А за грехи родителей прости.
Наверно, выгляжу сейчас смущенной.
Покой сердечный дай им обрести...
С колен встаю уставших окрыленной.

ПАДАЕТ СНЕГ

Светлая память Светлане Пугач

Тихо падает снег, но не тает на длинных ресницах.
Белоснежный покров невесомо на землю ложится.
Восхищает своей красотой, чистотой неземною,
Свежесть ветер принес, непогода привычна весною.
Будто белую шубку, снимает зима, как царица.
Тихо падает снег, у кормушки кружится синица.
Осторожно снежинки в ладошку ловлю и скучаю.
Во дворе свое бывшее счастье напрасно встречаю.
Воробей жадно крошки клюет, но не может смириться.
Местный житель двора, он ни с кем не желает делиться.
Улыбаюсь невольно, скрывая тоску и усталость.
Видно, в двери стучит непреклонная бабушка-старость.
Тихо падает снег, растекаясь на черных ресницах.
Снова год пролетел, перевернута в жизни страница.
А тебя рядом нет — одиночество душу терзает.
Жизнь, как этот снежок, потихонечку тает и тает...

Николай Тимохин

(г. Семей (Семипалатинск), Казахстан)

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ДЖОНА КИТСА

Тимохин Николай Николаевич родился и проживает в Казахстане, в г. Семипалатинске. Окончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). Один из составителей первого номера журнала «Литкухня», (Берлин, Германия), 2013. Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я» и «Метаморфозы», (г. Гомель, Беларусь). В сентябре 2013 года являлся преподавателем дистанционного обучения Берлинского литературного института им. А. Чехова, где вел авторский литературный курс «Современная методика написания стихотворений». С двадцати лет пишет стихи. Они неоднократно печатались на страницах местных газет и размещаются на литературных сайтах в Интернете. Автор четырнадцати книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России и Канаде. Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Беларуси и Германии. Проза и стихи Н. Тимохина многократно были опубликованы в различных литературных изданиях России, Украины, Беларуси и Германии.

КОГДА БЫ СТАЛ Я ЮНОШЕЙ ПРЕКРАСНЫМ... (1816)

Будь у меня прекрасный внешний вид
То вздохи бы мои неслись стрелой.
И овладели полностью тобой,
Ведь страсть к тебе пылает и кипит.

Но в битве я, увы, не победитель
И без доспехов жертвую собой.
Я не гонюсь за женской красотой,
Люблю одну тебя, мой повелитель.

Ты сладостнее, ты краше и милей,
Чем розы Гиблы в утренней росе.
У них пьянящий, нежный аромат
Его я ощущаю все сильнее.

Когда луна лицо покажет всем,
Мои цветы порадуют твой взгляд.

К ОДИНОЧЕСТВУ

О, Одиночество! Уж если нам
Придется вместе долго быть с тобой
Давай мы место выберем в горах,
Чтоб красотою насладиться там.

Вид с высоты — не верится глазам,
Долина утопает вся в цветах.
В ней кто-то распугал пчелиный рой,
Я узнаю оленя по прыжкам.

Картину эту счастлив наблюдать,
Но мне дороже милый разговор.
Для добрых слов и мыслей — здесь простор.
И это все — души моей отрада.

Беседа радует мой слух и взор —
Два сердца бьются в унисон опять.

НА СОНЕТ

И если, будто пленник, наш язык
Закован рифмой должен быть в Сонете,
То, словно Андромеда, дочь царя,
Он станет красотой своей велик,

Понятным и доступным всем на свете
И покорит все страны и моря.
Проверим лиру мы и ударенья,
Мелодию чтоб в строчках отыскать.

Найдем созвучье и размер отметим
Ведь это важно для стихотворенья.
Чтоб уберечь его богатство, как Мидас,
Сухие листья выбрав из венка.

И Муза посетит творца тотчас
Мила ее походка и легка.

К СНУ

О, нежный тихой полночи бальзам,
Смыкающий перстами наши очи.
Останемся мы верными мечтам,
Рассвет желая встретить в доме отчем.
О, Сон целительный! Будь добр ко мне,

Дослушай этот гимн. Я стану спать.
Сомкнув глаза, предамся новизне.
Вокруг моей постели ты опять
Раскинешь много мака лепестков.
Спаси меня от бед и от грехов,
От угрызений Совесть моей,
Она таится будто крот в тиши.
Мне помоги, ключом своим сумей
Плотней закрыть ларец моей Души.

НАПИСАНО ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ГОМЕРА ЧАПМЕНА

Бывал я часто в сферах золотых
Порой, их красотой был удивлен.
И даже жил на островах таких,
Где бардов вдохновлял сам Аполлон.

О месте говорили мне одном,
Гомер владел им, правил много лет.
Я воздухом земли той опьянен,
И Чапмен мне открыл ее секрет.

Но я повел себя как наблюдатель,
Что на планету устремил свой взор.
Иль как Кортес, конкистадор — мечтатель,
Он водной глади полюбив простор

Со свитой покорил немало стран,
И тут увидел — Тихий океан.

ОДА К ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗЕ

1

Тебя зовут невестою покоя,
С тобою безмятежность, тишина.
И тот, кто сотворил тебя такую,
Напишет пусть стихи тебе сполна.
Легенда окаймленная какая
Витает над богами день и ночь
В Аркадии долинах, без прикрас?
Как этим людям чем-нибудь помочь?
Чтоб без борьбы — погоню избегая,
Свирели, бубны, бешеный экстаз?

2

Чарует слух мелодия сполна,
Звучит лишь слаще нежная свирель.
И душу радует собой она
Как это делает весной капель.
Не растает с песней юный друг

Его влекут деревья красотой.
Он сам, любовник, жаждет поцелуя
Желая с милой избегать разлук .
Перед собой не видя цель другую,
Он будет жить одной своей мечтой.

3

Ах, эти ветви полные удачи
Они не сбросят листья до весны.
И музыкант счастливый, не иначе,
Им песни новые сотворены.
Любовь он воспевает много раз,
Всегда горячую и молодую,
Трепещущую нежную всегда
Но страстную безудержно подчас.
И сердце выселит печаль любую,
Ей места в нем не будет никогда.

4

А кто идет на жертвоприношение?
Ты назови алтарь такой, о, жрец.
Ведешь ты телку явно на мученья.
Она мычит и чувствует конец?
И это странный город у реки,
А может быть, у моря, с цитаделью.
Людьми покинутый он на рассвете?
В нем не слышны на улицах шаги.
Лишь тишина, совсем не до веселья.
Никто там на вопросы не ответит.

5

Аттическая форма! Красота —
Из мрамора толпа дев и мужчин,
Лесные ветви, жизни суета.
И для бесед нет тем и нет причин.
Холодная как вечность Пастораль!
Так времена сменяют поколенья,
Ты станешь посреди другого горя.
И человеку скажешь, без сомненья:
«Есть в правде красота». Вот только жаль,
Что путь к ее познанию часто горек.

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

ВДАЛИ ОТ РОССИИ

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в Минске, окончил БГУ. Автор многих поэтических книг, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. С. Есенина и им. Б. Корнилова (Россия) и др. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. Почетный член СПБ и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Живет в Минске

ВДАЛИ ОТ РОССИИ...

Вдали от России
 непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию
 вдали от России беречь.
Быть крови нерусской...
 И русским являться при этом,
Катая под горлом великую русскую речь.

Вдали от России
 и птицы летят по-другому —
Еще одиноче безрадостно тающий клин...
Вдали от России
 труднее дороженька к дому
Среди потемневших,
 среди поседевших долин.

Вдали от России...
 Да что там — вдали от России,
Когда ты душою порой вдалеке от себя...
Дожди моросили...
 Дожди, вы у нас не спросили,
Как жить вдалеке от России, Россию любя?..

Вдали от России
 круты и пологие спуски,

Глухи алтари,
сколь ни падай в смятении ниц.
Но крикни: «Россия»...
И эхо ответит по-русски,
Ведь русское эхо нерусских не знает границ...

* * *

«Ни души...»
Игорь Северянин

Не проще тени... Не светлей звезды...
Не сумрачней обиженной дворняги,
Не тише вековечной немоты
И не живей рисунка на бумаге —
Она парит, прозрачная душа,
Уносится в трубу со стружкой дыма,
С туманами ночует в камышах,
Везде жива, везде неуловима.
Когда бредешь в раздумчивой тиши,
Наедине с ночным небесным светом,
Есть ночь и высь... А больше — ни души,
Но все душа, но все душа при этом...

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Вы, наверно, о нас?.. Мы степенной походкой пройдем
Мимо wspomненных дат, мимо праха великих сражений.
Может, шли мы неверно объявленным «верным путем»,
Но мы видели свет... И казался нам сумрачным гений...

Пусть зловещие орды все мнили пойти на восток,
Мы мгновенно разбить их наивно и яростно мнили.
Был их замысел — низок, полет наших мыслей — высок,
И врагов обращал он в ничтожное месиво гнили.

Мы домой возвращались, не очень-то зная куда,
Где был дом — пепелище, а женщины — скорбные вдовы.
Мы скрипели зубами... А силы собирала Орда —
Дым Отечества нашего был им, как запах медовый.

И Орда одолела... Не нас — тех, кто следом пришел,
Тех, кто вытравил память из шариков гемоглобина.
Им чванливо велели, и ноги поставив на стол,
Потешались: «Плевать им, что харкает кровью рябина...»

И они растоптали — и знамя, и наших вождей,
И державных поэтов, и эти багряные грозди.
Это было о нас: «Гвозди б делать из этих людей!...»
А у них в дефиците и люди, и души, и гвозди...

Ну, так в чем нас винить? Мы свое отстрадали и так.
Нету праздников наших... Зато процветает химера.
Мы пока что молчим... Но очнется матрос Железняк,
И еще гроыхнет вороненая сталь револьвера...

* * *

Чуть первые тени прорежутся из темноты
И лысые кроны в пруду затрепещут нелепо,
Кресты золоченые станут совсем золоты,
И вспышкой застывшей почудится цвет курослепа.

Зеленым дыханьем наполнится чахлый пейзаж,
Рассадят по веткам галчат суетливые клены.
И встанешь... И вздрогнешь... И все, что имеешь, отдашь
За галочий крик и над церковью крест золоченый.

Пустые хатенки... За Храмом и дали пусты...
И заново ловишь куда-то пропавшие звуки.
И женщина рядом... И с ней уже можно на «ть»,
А значит, и можно страдать от грядущей разлуки.

Господь не поможет — о зряшнем его не проси!
В ладони — ладонь... И грядущим терзаться нелепо.
В реке под мостками упрямо шныряют язи,
Пуская сквозь жабры разлукой дразнящее небо.

Пройдемся немного... Тебя провожу до угла...
А там, не начавшись, конец и любви, и тревоги.
Но птица вспорхнула и клювом простор подождла,
И пух с тополей... И ребенок стоит у дороги...

* * *

К сентябрю все реже редколесье,
Все прозрачней кроны тополей.
Сквозь прорехи в дымчатой завесе
Птичий клин острее и черней.

Шаг... Другой... Трава еще лоснится,
Хоть и порыжевшая на треть.
На стволах прозрачная живица
Все спешит до стужи загустеть.

Постоишь... Подумаешь, что осень —
Это тоже время перемен.
Что кусты посохли... И что очень
Много боли в прозелени вен;

Что не все дожди отморосили,
Что не вся исчезла благодать,
Что еще пока хватает силы
О своем бессилии сказать...

* * *

Гудки паровозов... Проблем миллион...
Но я получал, хоть проказник,
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка полярный» — на праздник.

Пока из разрухи вставала страна,
Погибших запомнив едва ли,
Мой батя нарочно не ел допоздна,
Чтоб съели мы что-то вначале.

Все деньги у мамы... Но все-таки он
Твердил: «Без подарка негоже!..»
В кармане шинели — «Ромашка», «Цитрон»
И «Мишка...» подавленный — тоже.

Все помнится — эта большая рука
И килька с картошкой на ужин...
Мы знали — родная страна широка,
Нам берег турецкий не нужен...

Давно мое детство — не явь и не сон,
Но в память вошли благодарно
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка...» и «Мишка полярный»...

* * *

Морозец серебрит твоё дыханье,
Похожее на ветра колыханье,
Похожее на перышко лебедки,
Летящее в озерную лазурь...
И ничего не знаю я, о Боже,
Что было б так на истину похоже,
Как это серебристое дыханье,
Что защитит от мрака и от бурь.

Все размывает время-невидимка,
А ты все смотришь, смотришь с фотоснимка,
И веет пятипалою сиренью
От старой фотографии резной,
Где ты одна — заря и непогода,
Где ты одна — и утро, и свобода,
Где жажда серебристого дыханья
Вовек не станет жаждою иной...

Есть острый взгляд... Но есть еще прозреньё,
Когда столетьем чудится мгновенье,
Когда поймешь в счастливую минуту,
Что до сих пор не понял ничего,
Что все ушло — обиды, люди, лица...

Пусть только этот выдох серебрится,
Пускай парит над узкою тропею
Пока еще тропу не замело...

* * *

Надежде Мирошниченко

Мне любезен рассвет... И закатное солнце любезно.
Мне любезна коняга, что мирно бредет в поводу.
Эта бездна без дна... Мне любезна бездонная бездна,
Мне любезны синица и горечь полыни во рту.

Раздаю все, что есть... Ничего, от меня не убудет —
На великой Руси и беспмятный помнит добро.
Надо мной небеса... Где-то в небе — хорошие люди,
Помолиться за них в час суровый совсем не старо.

Эге-гей... Небеса... Прогремите — а я вам любезен?
Вы послали мне с ливнем ночные свои письма.
Мы с бродячей собакой чужой частокол перелезем,
И в саду очутимся, откуда все небо — без дна.

Я голодному псу потреплю жестковатую холку,
С благодарностью глянет заброшенный пес на меня.
И тогда осенит, что бродил я и зря, и без толку...
Бесполезно бродить мог до самого Судного Дня.

Но спасибо тебе, отворенное в полночь оконце,—
В этот сад поднебесный, что воздух Отчизны сберег.
Значит, скоро рассвет... Значит, снова дорога за солнцем —
Птицам на проводах нипочем электрический ток.

Виталий Квитковский
(г. Калининград)

Родился в 1939 году. Пишет стихи на украинском и русском языках. Печатался в журнале «Перець» и газете «Мысль».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой малюсенький, баю-баю!
Больше я песен тебе не спою.
Месяц в окошко глядит золотой...
Вот, оставляю я маму с тобой.
Денег давать вам не буду — нема.
Их заработает мама сама.
Деток полно и от мамок других, —
Чем же, сынок, ты особенней их?
Так оставайся и умником будь;
Папку родного, смотри, не забудь.
Лет через двадцать вернусь я домой,
Чтоб присмотрел ты, сыночек, за мной,
Чтоб обеспечил ты старость мою...
Спи, мой малюсенький, баю-баю!

Перевод с украинского Владимира Резцова

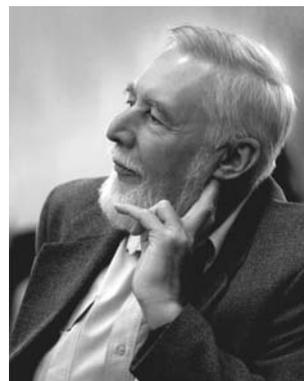
НА БОЙНЮ

Ведет козел овец на бойню,
И те доверчиво идут
На удивление спокойно, —
Недвижен даже деспот-кнут.

И лишь когда одна из тыщи
Поднимет голову слегка,
Он над строптивой так засвищет,
Что вздрогнут впалые бока.

Вновь тихо. Только учит, бля,
Козел непротивленью злу.
И непонятно, что страшнее:
Кнут — иль доверие козлу.

Александр Гугнин
(г. Новополоцк, Белоруссия)

Гугнин Александр Александрович родился 3 мая 1941 г. в Москве. Войну пережил у родственников: в деревне Матвеевское Калининской (Тверской) области и в железнодорожном поселке Грязи Воронежской области. После войны жил на хуторе под Новгородом, в Вильнюсе, с 1953 г. — в Полоцке. После школы работал на ударной комсомольской стройке, в совхозе, три года служил в пограничных войсках в Калининграде. Окончил МГУ и почти на 40 лет задержался в Москве. В 1999 г. вернулся в Полоцк, где похоронены бабушка и родители. Доктор филологических наук, профессор. Стихи пишет с 9 лет. Опубликовано 2 сборника: «Пути земные и иные» (1993) и «Пленник земных горизонтов» (1996). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2000 г.

* * *

Душой прижаться к сердцу твоему
И не сказать об этом никому...
Ты знаешь ли, подруга тяжких дней,
Как много нежности в душе моей?

Вся жизнь в трудах и глупостях прошла.
Ни счастья, ни покоя я не знал.
С трудом простые вещи различал —
Вот так-то, милая, такие вот дела...

* * *

Судьба играет нами? Или каждый сам
Судьбой своей небрежно управляет?
Кто гонит нас по жизненным стезям?
Кто смеет утверждать, что точно знает?

Зачем души туманная мечта
Нам в юности так много обещает?
Зачем тщеславной жизни суета
С прямых дорог нас в сторону смещает?

Мы мыслим, думаем и взвешиваем «за»,
И «против» тоже взвешивать умеем.

Но видим вдруг прекрасные глаза —
И, все забыв, мы сердцем пламенеем.

Иль все случайность? — ведь случайно я
Увидел девушку когда-то на перроне
И спрыгнул с поезда, и вся судьба моя —
Уже не в этом, а в другом вагоне...

Один мой друг увидел ночью сон:
Вставай, иди на *N*-вокзал, найди там *N*-вагон,
И встречу судьбу свою коленопреклоненно!
Мой друг вскочил и вышел на перрон —
И вдалеке уехал, счастьем опьяненный...

Вот весь расчет — мы счастья в жизни ждем,
И наша жизнь — для счастья и удачи.
Но риск велик — и к счастью мы придем
Рискуя, жертвуя... — А ты хотел иначе?..

* * *

«Подъем, подъем! — Вперед идем!
Куда, пока еще не знаем,
Но песни дерзкие поем
И жизнь, как солнце, прославляем!»

«Куда идти?» — Вперед, вперед! —
Лишь впереди нам счастье светит.
Лишь тот, кто движется, найдет —
Другого счастья нет на свете!

И там, где светится заря,
Мы праздник юности устроим,—
И, значит, жили мы не зря,
Мой друг, ты можешь быть спокоен.

И там, где рушатся миры,
И где Вселенная не знает,
Куда идти,— там знаем мы:
Другого счастья не бывает!

* * *

Мы будем петь. И песни будут плакать
О нашей юности, о прожитых годах,
О том, что растоптала жизни слякоть,—
Полет высокий обратился в прах.

И трепетная радость бытия
Угасла догорающею спичкой,
И, неразлучные, мы врозь уходим: ты и я,—
Дверь заперта, и нет у нас отмычки,

Чтоб снова, как в былые времена,
Как праздник лучший ждать неожиданной встречи,
Чтоб выпить счастье — сразу и до дна —
И ничего не оставлять на вечер...

Но вечер неизбежен и суров,—
Здесь на Земле не вечно счастье длится:
Последний тост: «Будь счастлив и здоров:
А мне б домой дойти и по пути не сбиться!»

* * *

На крыльях метели
Стихи прилетели,
Звенели и пели
До самой капли.

Когда же в апреле
Стихи отзвенели,
Пастушьи свирели
На сердце запели.

Но в заводи сонной
Под небом июля
В дремоте бездонной
Все песни уснули.

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

1

Высокий лес. И узкая дорога
Петляет, спотыкаясь на корнях,—
Дружище, потерпи еще немного:
Не мы одни — весь мир уже впотьмах.

Все идеалы разом потускнели,
А вместо солнца — золотой телец.
И оттого скрипят угрюмо ели,
Предчувствуя безрадостный конец.

Здесь человек — свинья, венец природы —
Леса охомутил со всех сторон
И валит, пилит при любой погоде —
Для собственных стараясь похорон...

И что, мой друг, сейчас мы можем сделать,
Чтоб не озлобиться и зло не умножать?
Писать стихи? Вести с людьми беседы?
И ближних наших кротко просвещать?

Иль гневные писать статьи в газетах?
Кричать с трибун? Собрать партийный съезд?
Давай, мой друг, подумаем об этом,
Без суеты осмотримся окрест...

2

Здесь тихо, хорошо, уютно и спокойно —
Светлозеленый, мягкий, теплый мох,
И сосны ввысь поглядывают стройно,
Чтоб путник отдохнуть без опасений мог.

Дремотой пахнет пряный можжевельник,
Приветливо ветвями шевелит,
Чуть дальше ласково кивает ельник —
В нем жизнь, задор и молодость бурлит.

И путник рад, что он здесь — гость желанный,
Как друг, которого с любовью ждут,
Как родственник, любимый и неожиданный,
Которому всегда готов приют.

Не ты ль сказал, что счастья нет на свете?
Мой друг, ты зачерствел или ослеп душой!
Иль ты забыл, как радуются дети,
Любуясь в поле бабочкой простой!

Иль вспомни луг, где стрекотун-кузнечик
Взлетает ввысь, как чемпион-атлет:
В избытке сил, не напрягая плечи,
Он славит жизнь, благословляет свет!

Мой верный друг, давай стряхнем усталость
И, в мягких мхах понежившись, уснем.—
В который раз опять отгоним старость
И, сил набравшись, дальше в путь пойдём!

3

Скромно пьем, душой взбодряясь,
С чабрецом и с мятой чай
И плывем, в волнах качаясь,
На неведомый причал.

Пароход куда пристанет,
Ах, о том не знаем мы,—
Кто-то свыше выбирает
Наши тюрьмы и сумы.

Наше дело — быть готовым
К испытаниям любым,
Наше дело — поиск слова,
Мы идем, спешим за ним,

И с дороги чтоб не сбиться,
Вспомним старые грехи,
Чтоб в страстях не заблудиться,—
Пишем честные стихи.

Все равно поймут потомки,
Кто хитрил, кто честным был,
Кто души своей обломки
В пламя истины сложил...

4

Здесь ласточки летали над обрывом
И гнезда-норы рыли для птенцов,
Стрелой мелькали — или вдруг лениво
Скользили над вершинами лесов.

А мы лежали на лугу у речки,
Счастливые, смотрели в небеса:
На облака, скользящие беспечно,
На ласточек, сверкающих в глаза.

Их щебет звонкий душу как оркестр
Божественный и чистый вдохновлял,
И как родник, живительно чудесный,
Все тело соком жизни наполнял.

И жить хотелось, и трудиться тоже:
Лепить гнездо, выращивать птенцов,
И песни петь, и радовать прохожих,—
Родных небес повсюду слыша зов!

Веселый гомон, пенье птиц,
Дерев ветвистое участие,
Разливы неба без границ!

Еще чуть-чуть, и зелень брызнет,
И солнца яркость расцветет,
И снова кажется, что в жизни
Чудес сплошной ковер течет.
Весна, прекрасное творенье
Души!

И в теле бродит сок
Желаний,
страсти,
настроений.
Вновь у Весны берешь урок:

Прекрасна жизнь!

Под звуки музыки весенней
Исчезли прежние сомненья.
Палитре чувств не прекословь.
Любовь с Надеждой манят вновь.

❧❧❧❧

Лидия Шишко
(г. Витебск, Белоруссия)

Член литературного объединения «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Родилась в маленькой красивой деревеньке Рог Солигорского района Минской области, что на Полесье. Любовь к поэтическому слову привила бабушка Арина Емельяновна. Стихи начала писать в старших классах. Увлекалась творчеством Фета, Гумилева, Есенина и Сельвинского. Зачитывалась Мариной Цветаевой и Екатериной Шевелевой. После школы закончила с красным дипломом финансово-экономический техникум, позднее получила высшее экономическое образование. Работала в основном в страховых и налоговых органах. После аварии на Чернобыльской АЭС переехала, как переселенец, в сентябре 1986 года в Витебск. Печаталась в местных и республиканских газетах, Антологии современной русской поэзии Беларуси, 2003 год.

ГОРОДУ ПОЛОЦКУ

Веков признание — софит.
Над Полотою неба своды.
Небесный храм Двину хранит,
Софии свет струится в воды.

Рассвет рождается в закат,
но этой осени нет дела,
что, развекованы, молчат
седые камни, память-стела.

А город войнами гоним,
в руинах плыл, прошел пожары,
глотал набегов едкий дым,
но отражал врагов удары.

И зря тащил Наполеон,
войска Удино и Сен-Сира,
баварский корпус поражен,
и отступил француз-задира.

Цена столетий страшных дат —
покой, где дышит позолота.
И осень обняла солдат,
вписавших жизнь в ее полотно.

Войной плененные — набат,
их души светятся в сапфире.
А боль безвременных утрат,
взлетит строкой в Славянской Лире.

Я в этом форте не сойду
до полутона и обмана.
По серой осени бреду
среди крестов и нег тумана.

И сотый раз, пройдя окрест,
мой город, вежа, сила, дата,
и воздвизальный славя крест —
я Евфросинией богата.

К. С. А

Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Глаза твои вижу, как раньше —
красивые спелые вишни.
Отчаялось чайкой счастье
пытаться ко мне вернуться.
Я в город Петра на причастье
спешу, чтобы с ним улыбнуться.
Скучала ли я? Признаюсь:
забыть тебя не сумела.
У Спаса несмело покаюсь,
что птицей к тебе не летела.
Качай бессмысленно речи,
Нева, разводя мостами.
Последние наши не встречи
нельзя поменять местами.
Устала нести прощенье,
искать, покидая бухты,
одно на двоих возвращенье.
Мечты рассыпаются в двух... Ты...
Ну что ж, проживу прощанье,
душою играя скерцо,
слезами верша завещанье —
слова, что не высказать сердцу.
Твои корабли все дальше...
Мои паруса все выше...
Ты вспомни тот день, без фальши.
Весна и сирень...

И вишни...

И голубь на школьной крыше...

В ТВОЮ СУДЬБУ ВОШЕДШАЯ

В твою судьбу вошедшая,
открыто-виноватая,

шальная, сумасшедшая,
тревожно-угловатая.

В душе испепеленная,
покорно-предзакатная,
тобою возвращенная,
восставшая, понятная.

Внезапно окрыленная,
дыханием согретая,
заоблачно рожденная,
реальностью одетая.

Прозреньем восхищенная,
забыть вину успевшая,
от спеси защищенная,
в твоих губах сгоревшая.

* * *

Вестью дрожь на губах. **Дрожь.**
Серый день за окном. **Дождь.**
Сизый дым в тишину. **Прочь.**
Дальше сон не пойму. **Ночь...**

Кочевые ветра. **Пыль.**
Громовое вчера. **Быль.**
Рикошетом обман. **Ноль.**
Дальше сон не пойму. **Боль...**

Белый голубь в окно. **Грусть.**
Ты — письмо в никуда. **Пусть.**
Год за годом полет. **Новь.**
Дальше сон не пойму. **Кровь...**

КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!

А голуби прямо с крыш,
бросаясь под ноги, целуются.
КАКАЯ ВЕСНА НА УЛИЦЕ!
Слышь?

«ОТПУСКАЯ РЫБКУ»

Озерной глади мир изранен.
Сады теплят, звенит трава.
А воздух зыбок и туманен
и по лицу текут слова...
Не плачь ты, рыбка золотая,
судьбу мою опять латая.
За многоточьем... запятая...

Желаний нет, моя святая.
Он был со мной...
Светает...

В ТО ЛЕТО

По хлипким лужам и аллеям
я за тобой из века в век
и тонкой ниточкой алела
и пропадала в сонме рек.

Где нет случайности предела:
за гранью разума и сил,
улав в пути, не долетела —
мой ангел крылья опустил.

Твою же сдержанность немую,
что донесло дыханье мне,
вновь вспоминаю и тоскую
в глуши, забывшись в тишине.

Твоя любовь — венец сонета,
давно прочитана была
в стихах известного поэта
и вдруг в то лето расцвела.

Она из давних встреч-прощений,
прощаний вешняя вода,
из самых светлых возвращений...

Сказала: «нет»
услышал: «да».

* * *

Позови. Пойду навстречу.
Что чужой ты, не замечу.
Но подумаю, вдруг мой,
Бесновато-озорной.
Улыбающийся чутко.
Ты — волшебная минутка.
И глаза как синь морей...
Дай мне руку поскорей.
Обними как в ночь тогда.
Люди смотрят? Ерунда.
Посудачат, поглядят,
Целовать не запретят.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ВЕСНА

Где-то там, в вышине,
В поднебесном пространстве
Разлились в тишине
Разноцветные краски.
В облаках бродит солнце.
Спускаясь на землю,
Луч деревьев коснется,
Весенний и первый.
В непрогретую почву
Тепло проникает.
И теперь уже точно
Снег последний растает,
Разбежится ручьями
До последней снежинки
И водой напитает
Цветы и травинки.

СИРЕНЬ

Приснилось детство.
Словно акварелью
Раскрашен сон —
Из прошлого привет.
В нем вечная весна
Цветет сиренью
И радости струится
Добрый свет...

* * *

Когда разрывает тебя изнутри,
Поэзия руку протянет – живи!
И Ангел Хранитель возьмет под крыло.
И вновь заскрипит по бумаге перо.

И будет опять полноводной река
Спасительных слов за строкою строка.

И всем неудачам и бедам назло
Пишите, чтоб чаще вам в жизни везло!

Ольга Борисова
(г. Самара)

Ольга Борисова — поэтесса, переводчица. Автор поэтических сборников «Как мимолетен день», «Отражение», «Времена и время». Переводит с болгарского, французского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призер многих международных поэтических конкурсов, в том числе: 1er prix на 35-ом международном конкурсе «Цветочные игры в Пиренеях», 2 место в международном конкурсе «21 игры цветов», Пиренеи. Призер международного фестиваля «Славянские традиции — 2014 г.», (Крым), Московского международного литературно-музыкального фестиваля-конкурса имени С. Клычкова «Душа моя, как птица...», международного конкурса «Посох и Лира», серии Международных литературных конкурсов «Большой финал». Победитель, международного фестиваля «Славянские традиции — 2015 г.». Награждена премией «Славянские традиции» и значком «Писательское братство». Стипендиат Министерства Культуры РФ. 2 место в международном конкурсе «22 игры цветов», Пиренеи (2016). Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Ее стихи переведены на иностранные языки. О. Борисова — член Российского Союза писателей и Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза, гл. редактор литературно-художественного альманаха «Параллели».

НА ЮГА

Вот махну на юга! Убегу от докучного снега.
Он засыпал мой город и души людей остудил.
И в призывное море нырну я в одеждах с разбега,
Позабыв о снегах, буду плыть, сколько хватит мне сил.

Десять дней среди скал и в объятиях теплого моря,
Где волна за волной набегаёт на берег крутой.
И где чайки кричат и о чем-то неистово спорят,
Где мерцают закаты, пленяя своей красотой.

Десять дней февраля пролетят, словно пули, мгновенно.
Возвращусь я в Россию, а там на пороге — весна.
И растают снега, и оттаёт душа непременно,
И простуженный город очнется от долгого сна.

НОЧЬЮ

На улицах выли бездомные псы,
И хлопали ставни тревожно.
Тринадцать ударов пробили часы.
Тринадцать? Такое возможно?

Не спится... Я выну из шкафа тетрадь
И буду писать про метели.
Они за стеной завывают опять,
Которые дни и недели.

И я напишу про голодных собак,
О долюшке их незавидной.
Что ночью был явлен таинственный знак,
Он посланный мне очевидно.

Но я не боюсь тайных знаков небес,
Все в жизни предельно и ясно.
И слышу, затихли метели окрест.
В окошко смотрю... Как прекрасно!

КУКЛА

Забытая кукла в коробке картонной.
Тряпичная Катя живет в кладовой.
Детьми она брошена бесцеремонно
И с нею играет теперь домовой.

Растрепанны волосы, платье не ново,
Повыщвели брови, печаль на устах.
И детские руки не шьют ей обновы,
И ровно двенадцать на старых часах...

Ушедшая сказка... и выросли дети,
Как птицы слетели с родного гнезда.
Уснул домовой, он меня не заметил.
Верну Катю позже в коробку назад.

Я с куклой в руках. Мы с похожей судьбою.
Стою у раскрытого настежь окна.
Смотрю на дорогу с призывной мольбою...
И снова сегодня останусь одна.

ЗИМА

Утопает в снегах замороженный город,
В белоснежных накидках примолкли дома.
Их пронзают ветра и безжалостный холод,
И рисует узоры на стеклах зима.

Тонким кружевом шали окутаны ели,
На аллейке, прижавшись друг к другу, стоят.
Словно девицы, разом они погрустнели,
На роскошные ветви, накинув наряд.

К остановке спешит одинокий прохожий
И заходит в холодный, продрогший трамвай.
А за ним — следом я. Вся промерзла до дрожи...
Увези нас, вожатый, в пленительный май!

ПЬЕСА ЖИЗНИ

Время выпито, словно вино,
Из бутылки с названием «Доля».
Проливалось по каплям оно.
Каждый сам выбирал себе роли.

А затем их с азартом играл
На подмостках, считая потери...
Приближается пьесы финал,
И за нами закроются двери...

ПЕРЕМЕНЫ

Меняется город, эпохи и люди.
Меняется облик домов, площадей...
А нас за беспамятство время осудит,
За эту помпезность бездарных идей.

Среди небоскребов бездушных и серых,
Пронзающих небо бетонной главой,
Искусственных парков, цветов омертвелых,
Старинный домишко стоит чуть живой.

А был он когда-то красивым, высоким,
С крылечком парадным для знатных гостей.
Теперь заколочен, пустой, одинокий
И ждет о грядущем печальных вестей.

А рядом, склоненная набок церквушка,
Ей выпало много на долгом веку...
И голуби вьются у самой макушки.
У самой макушки столетья текут.

Яков Шафран
(г. Тула)

ЗВУЧАТ КОЛОКОЛА
(Цикл стихотворений)

Член Академии российской литературы, член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша» (2013 г.) и лауреат Всероссийской литературной премии им. Г. Д. Гребенщикова «Белуха». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Приокских зорь» «Ковчег».

* * *

Борьба со злом священна —
Какой бы ни был флаг.
И дружба неразменна.
Ее хранящий — благ.
В сражении со скверной,
За совесть, не за страх,
Одна Россия верно
На том стоит в веках.
Сему примеров много —
Не Сирия одна,—
Когда, похоже, с Богом
Воюет Сатана.
Террор, насилье, казни,
Удар из-за угла,—
Чтоб множить безобразье,
Чтоб землю сжечь дотла.
Но за родных, за правду,
Как в прежние века,
Стоят не за награду
Там русские войска.
Война — на грани риска.
Но ведь не в этом суть.
Там армии российской
Смогли престиж вернуть!

* * *

*31 октября (хеллоуин) 2015 года над Синаем
террористами был взорван российский
пассажирский самолет с 224-мя людьми
на борту. Все погибли...*

Отпуск на Красном не всем по карману.
Там отдыхает не бедный народ.
Но в этот день, повторять не устану,
Нет для меня бедняков и господ.

Взрыв в небесах. Потрясенные Лики.
Ангелов крылья опущены. Боль.
Душ над останками слезы и крики.
Солнечный мир, превращенный в юдоль...

Там на борту был мальчиш-первоклассник.
Как он мечтал повести самолет!..
Но для кого-то хеллоуин — праздник,
Значит, кому-то в прощальный полет.

Есть ли у зла оправдания малость?
Точит террор втайне жало свое.
Там, над Синайской пустыней взорвалось
Красным по желтому сердце мое.

* * *

*24 ноября 2015 года турецким истребителем
был сбит российский бомбардировщик Су-24.
Катапультировавшийся подполковник Олег
Пешков был расстрелян террористами с земли.*

Во вред себе и выгоде во вред.
России — зло, а господам — презент.
И безразлично, что придет вослед.
Безумный шаг? Неумный президент?..

Опасен злобу затаивший враг.
Еще опаснее коварный друг.
Наш самолет — на острие атак:
А вдруг сломается Россия, вдруг?

Турецкий залп — и самолет в огне.
Но катапульта все же шанс на жизнь.
А дальше — «на войне, как на войне»:
Держись, солдат, в борьбе с врагом держись!

Вот там уже виднеется вдали
Позиция своих, сирийский флаг...
Но снова залп, на этот раз с земли —
Коварен злостный и жестокий враг.

Погиб пилот, но в вечности — герой.
Погиб, но в мире стало меньше зла.
Не потому ли над родной страной
В помин его звучат колокола?

* * *

Бывает, и грешнику выпадет милость,
Придет как ответ на моления его.
Россия, за что на тебя вдруг свалилась
Сплошная немилость, зачем, отчего?

С соседями вежлива и справедлива,
Как мудрая старшая всем им сестра,
Душою своею добра, незлобива,
На зло неспособна — на помощь быстра.

Ты алчность не любишь, не ценишь гордыню
И нищим готова рубаху отдать,
Несешь всему миру любовь, как святыню,
Моля небеса за сынов, словно мать.

Но,— будто бы мачеха, гарпия злая,
Что кровных детей привечает, любя,
А золушку морит, к страданиям глухая,—
Сей мир лишь рабой хочет видеть тебя.

Россия, толкают тебя прямо в пропасть.
Так мало друзей, что готовы помочь,
Отбросивших страх, осторожность и робость,
При первой беде не стремящихся прочь.

— О, Господи, как отвести катастрофу? —
Взываю в ночи, припадая к кресту.
Похоже, весь мир превратился в Голгофу,
А наша Россия подобна Христу.

* * *

В разнотравье, как в оправе,
Всей земле окрест сродни,
Средь полей, лугов, в дубраве
Сладкозвучный жил родник.
И к нему шли издалече
Поколения века:
Сил набраться после сечи,
Слушать пенье ручейка.
Здесь прославились святые
Через веру и посты.
Здесь стоят совсем простые
Деревянные кресты.
И хоть здесь сплошная стройка —

Нет полей, дубрав, лугов —
Жив ручей — струится бойко,
Жив родник из родников!
Пусть теперь то разнотравье
Лишь в низине теплит взгляд,
Здесь жителям поправит
Он, родник, несущий лад.
И к нему припав однажды,
Исцелится той водой
И душой, и телом каждый,
Ибо тот родник — святой!

* * *

Три ствола поднимаются ввысь.
Будто маслом писалась картина:
У единого корня срослись —
Значит, дерево это едино.

И руками за руки держась,
Три сестры хороводят под ними.
И звучит по округе не джаз
Из далекого штата Вирджиния,

А поет там большая семья,—
Хоть кому-то и домом Буриссия,—
Три сестры: «Ридна мати моя...»,
После — «Песня моя, Белоруссия».

И потом, под тенистым шатром,
Стол накрыв разносолами русскими,
Заведут «Степь да степь кругом...»
Так, что станут просторы узкими.

Их родства не разъять, как ни злись,
Как с народами кто что ни делай —
Только вместе, и только ввысь
Русь Великая с Малой и Белой!

Сергей Редков
(г. Тула)

РАДИКАЛЫ

Они закрывают не лица —
У глупости нет лица,
Стараясь в историю влиться,
Шагают тропой подлеца.

Сжигают людей и гордятся,
Сажают врага на рога:
Такие всегда пригодятся
Быть куклами в чьих-то руках!

Швыряться камнями — не строить.
Давить сапогом — не лечить.
Забыли, что суд будет строгим?
Денечки в аду — горячи!

БЕСПОЛЕЗНАЯ ЗАЩИТНАЯ РЕЧЬ НА БУДУЩЕМ СУДЕ

Карателям — с проклятием!

Я — артиллерист.
Это — хорошо.
Потому что я — не вижу крови.
Мне не ведом риск:
Цель в прицел нашел,
И давай сносить снарядом кровлю!

Если кто убит,
Я здесь ни при чем.
Не шепчите мне упрек на ушко!
Совесть моя — спит.
Если кровь ручьем —
В этом виноват не я, а пушка...

О ЧЕМ ЛУЧШЕ НЕ ПИСАТЬ

Душа пятилетней девочки,
Убитой осколком снаряда,
Ко мне по ночам прилетает
И мучает долго меня.

Я девочку ту вопрошаю:
— За что ты меня так терзаешь?
— За гибель мою,— говорит она,—
Ответить ведь должен хоть кто-то!

К убийцам своим приходила я —
Не видят меня и не слышат.
Но ты же — другой? Ты же чувствуешь,
Как боль заполняет вселенную?

Я ей отвечаю: «Да, чувствую,
Но мир я не в силах исправить.
Стучу кулаком лишь по воздуху
И прячусь в заботах ненужных...

А жизнь, как ни в чем не бывало,
Забыв про войну, продолжается:
Сирень по весне расцветает...
Да только не радует глаз.

НЕЧЕСТИВЦАМ

Лютый ветер
По земле...
Чьи во мгле
Дети?

Словно звери
Зло творят,
Ищут в ад
Двери.

Надругались
Над собой,
За разбой
Взялись.

Только завтра —
Вас сметет.
В мир придет
Правда!

Сергей Лебедев
(г.Тольятти)

Лебедев Сергей Александрович постоянный автор журнала «Приокские зори». Живет в городе Тольятти. Лауреат премии «Левша» им. Николая Лескова. Член Российского союза профессиональных литераторов (Самарская региональная организация).

ДЯДЯ ВАНЯ

*Светлой памяти моего дяди
Ивана Ивановича Шумилова.*

Исхлестанный веником в бане,
Омытый холодной водой,
Сидел на крыльце дядя Ваня,
Курил самосад листовый.

Простой он пастух деревенский,
Крестьянских колен и не счесть,
Увидеть порядок немецкий,
Ему все же выпала «честь».

Но только не любит об этом
Он в мыслях своих вспоминать:
Дахау, собак и кастеты,
Баланду и нары — кровать.

Три долгих мучительных года
Провел на чужбине пастух,
Пытали и «слуги народа»,
Но взгляд у него не потух.

Он знал, что его испытанья —
Не сон, не горячка в бреду,
К награде, пускай, не представлен —
Присяге был верен в аду!

Когда его дело закрыли,
Ушел в пастухи навсегда:
Здесь мысли, как облако плыли,
Да лес, да Ветлуги вода.

Война, как открытая рана,
Хоть время — повязкой тугой...
Сидел на крыльце дядя Ваня,
Курил самосад листовой.

ПЕХОТИНЕЦ

*Светлой памяти моего тестя
Яшина Алексея Ивановича*

Он курил по привычке свой «Север»,
Молчалив, будто в чем виноват,
Незаметен, как в зелени клевер,
Пехотинец и бывший солдат.

По лицу, как окопы, морщины:
От забот и от прожитых лет,
Память снова по снегу тащила
С перебитой ногой в лазарет.

Не ходил он в шеренге парада,
Знал окопную правду сполна,
Землю рыл он у стен Ленинграда,
Видел все, что приносит война.

Непогода его одолела,
Вновь к дождю разболелась нога,
Будто болью запомнить велела —
Пол-Европы измерить смогла.

Чернозем, и песок, и суглинок
Узнавала пехота в боях,
Миллионы сапог и ботинок
Износила на ратных полях.

Как награду хранил пехотинец
Со звездой солдатский жетон,
А медаль — за Победу гостинец,
Получил уже в сорок шестом.

Он курил по привычке свой «Север»,
Молчалив, будто в чем виноват.
Незаметен, как в зелени клевер,
Пехотинец и русский солдат.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Земля — от взрыва на дыбы,
Пронзительны осколки,
Летели по небу гробы,
Мы в ужасе замолкли.

А хватка страха так крепка,
Что в крике стынет горло,

Немеет в ярости щека,
А душу дрожью сперло.

И вот ты с горькою землей
Навек уже простился...
Своею грешной пятерней
Впервые окрестился...

Не зная Бога с юных лет,
Вдруг понял сразу что-то,
И за грехи от прошлых лет
Покрылся липким потом.

Но кровь, размазав по щеке,
Слезу утер скупую,
Страх удавил в своей руке,
На немца — в штыковую!

Немеет в ярости — «Ура!»
И в крике стынет горло,
Врагу — граненая дыра,
Мой страх в атаке стерло!

Земля и небо на дыбы,
Пронзительны осколки,
Летели по небу гробы,
А в них враги замолкли.

НА МАРШЕ

Ворон одинокий, голая ветла,
Облака зарница кровью залила.

Выжженной деревни печи не дымят,
Липы обгорелые выстроились в ряд.

Братская могила всей деревни здесь,
В трауре глубоком почернела жесь.

Стены словно угли кучею под ней,
Сожжены здесь люди в ярости огней.

Одинокий ворон, тризну прокричи,—
Некому оплакать смерть и боль в ночи.

Выжженной деревней, молча, мы прошли,
О пощаде, ворог, ты нас не моли.

Красная зарница, в лужах кровь блестит,
Черный ворон, молча, прочь домой летит.

МАЙ СОРОК ПЯТОГО

Берлин... Каналы словно реки,
А в них останки от войны.
Нашли покой сверхчеловеки
В холодных водах глубины.

У нас — ликующие лица,
В глазах — весеннее тепло,
И хоть земля еще дымится,
Но все же, дышится легко.

Все позади — бои, атаки,
Глаза закрытые друзей,
В крови забрызганные траки,
И шелест мины на ничьей.

Все позади, но не забылось,
И будет горько, если вдруг
Со временем придет остылость —
Истории замкнется круг.

Когда ученья лжепророки
Вдруг извратят и перегнут,
Исправят даты, имя, сроки
И память добрую распнут...

Тогда от Волги до Берлина
Поднимемся в атаку вновь...
В багровом пламени калина —
Не смоеет время нашу кровь.

ПРЕКРАТИТЬ ОГОНЬ!

Я молитвой себя успокою,
Только вряд ли мне это забыть,
Как ребенок с недетской тоскою,
Прошептал: «Всем огонь прекратить».

На лице у мальчишки Донбасса
Вместо детской улыбки — мольба,
И подвал у него вместо класса,
И не школьный звонок, а пальба.

Да, закроют воронки асфальтом,
Вставят скоро и стекла в окно,
Привезут новых плит из базальта,
На плакатах заменят сукно.

И, конечно, вернутся улыбки,
Только нам никогда не забыть,
Как мальчишка под грохот зенитки,
Все шептал: «Всем огонь прекратить».